

Тун Цинхэ долго смотрел на Цзян Шаочжи и долго не произносил ни слова.

Когда рассудок вернулся, он уткнулся лицом в слегка влажную от пота шею Цзян Шаочжи, вдыхая смешанный с запахом легкой испарины аромат альфа-феромонов, и, ощущая слабость и растерянность, схватился за его пальцы. Его нос дернулся, и он попросил с ноткой заискивания:

— Дядя, не надо так.

Все произошло слишком быстро: столкновение, предначертанное генами, привело его к браку раньше, чем он успел подготовиться.

Жизнь женатого человека и неженатого, когда одна жизнь сливается с другой, — в конце концов, это совершенно разные вещи.

Тун Цинхэ пробыл дома эти два дня, и после короткого периода занятости и отдыха его разум значительно прояснился. Он мало знал о пристрастиях своего альфы, а если говорить более глубоко, он никогда по-настоящему не понимал, что за человек Цзян Шаочжи.

Насколько он мог судить, Цзян Шаочжи не проявлял особой терпимости к существованию Цюцю. Альфа был молчалив и суров, но к нему самому — снисходителен и даже потакающ. Он казался мягким, но иногда был решительным и непоколебимым. Сказав, что ему не нравится, когда Тун Цинхэ слишком близко общается с другими, он четко выразил свою мысль: ему это действительно не нравится.

Тун Цинхэ был сбит с толку.

Он зацепился за указательный палец Цзян Шаочжи. На его не совсем гладких подушечках чувствовались легкие царапины. Он заговорил:

— Дядя, я тебя не понимаю.

— Цюцю для меня как член семьи.

— Твое неприятие его причиняет мне боль. Я уважаю всех, кто находится рядом с тобой, дядя, но...

Он спросил, недоумевая:

— Почему? Я тебя не понимаю.

Цзян Шаочжи повернул омегу, сидящего у него на коленях, лицом к себе. Они смотрели прямо друг на друга.

То, что происходило сейчас, было неизбежно. Генетическая совместимость альфы и омеги не означает, что их характеры изначально должны сливаться, тем более, когда речь идет о человеке, вышедшем из пекла сражений.

В браке, заключенном так внезапно, было много шероховатостей и противоречий, которые были скрыты под идеально подобранной феромонной совместимостью. Если устранить влияние феромонного притяжения, обнаружить их было не так уж сложно.

— Боишься? — холодно спросил Цзян Шаочжи, ловя растерянность в глазах Тун Цинхэ. В его собственном взгляде не было ни малейшего колебания, а слова били прямо в цель. — Тунтун, ты боишься?

Цзян Шаочжи изначально не был человеком покладистым, и не имел ничего общего с нежностью. Молчание было его защитным панцирем. Он не знал, в какой позе подойти к своему омеге, поэтому приближался, сохраняя молчание, боясь напугать его, а еще боясь, что, приложив хоть немного усилий, разобьет своего омегу.

Лучший защитный цвет в мире — это молчание, но у некоторых людей кровь горячая, а пистолет в руке — холодный.

Все, чем Цзян Шаочжи обладал сейчас, было накоплено благодаря его заслугам. Хотя он не гнался за славой и богатством в чиновничьих кругах и не дорожил ими, а тем более презирал манипуляции человеческими сердцами, то, что он этим не занимался, не означало, что он этого не понимал.

— Тунтун, я изначально не хороший человек, — ровно дернул уголок рта Цзян Шаочжи. — Единственное, от чего во мне закипает кровь, — это каждая стычка с противником. Как ты думаешь, сколько снисходительности и нежности может быть у человека, вышедшего из кровавого моря?

Альфа, казалось, демонстрировал мягкость, и его глаза походили на пламя, но это пламя не касалось его сердца.

Губы Тун Цинхэ слегка дрогнули. Он ошеломленно смотрел на своего альфу, не в силах вымолвить ни слова.

Цзян Шаочжи безэмоционально дернул уголок рта.

Тун Цинхэ смотрел на Цзян Шаочжи с его серьезным лицом и глазами, лишенными каких-либо эмоций. У него внутри все переворачивалось от невыразимого дискомфорта.

— Дядя, не надо так, ты не...

Тун Цинхэ изо всех сил пытался найти объяснение, но Цзян Шаочжи сказал:

— Я такой.

Альфа смягчил тон:

— Тунтун, я родился таким человеком.

— Теперь тебе все ясно? — Цзян Шаочжи разжал руку на поясице Тун Цинхэ, и слабые феромоны полностью исчезли. — Если тебе это не нравится, забудь. Уже поздно, пойдем сначала поужинаем.

В его тоне не слышалось ни малейшего намека на упрек. Врожденная холодность Цзян Шаочжи была совершенно естественной, как будто ничего не произошло, и он просто поднялся, чтобы позвать его поесть. Но из-за его слов Цзян Шаочжи действительно отступил до определенной безопасной границы, сохраняя не слишком большое и не слишком малое расстояние.

Цзян Шаочжи повторил:

— Сначала пойдем вниз, поужинаем.

Тун Цинхэ шел сзади, его глаза постепенно краснели от сдерживаемых эмоций.

Цзян Шаочжи остановился на лестничном повороте, склонил голову набок и посмотрел на пальцы, которые внезапно ухватились за край его одежды. Голова Тун Цинхэ была низко опущена, а завиток волос на затылке, как и его владелец, выглядел маленьким и милым.

Он слегка наклонился, пропуская Тун Цинхэ вперед. Тун Цинхэ не смотрел под ноги и, когда чуть не оступился, Цзян Шаочжи подхватил его, помогая удержать равновесие.

— Смотри под ноги.

Тун Цинхэ расстроено уставился на ладонь, лежащую на его руке, и пробормотал:

— Я тебя не боюсь.

Цзян Шаочжи ничего не сказал, первым отодвинул стул, чтобы Тун Цинхэ сел, и повернулся, чтобы велеть домработнице подавать ужин.

Заметив странную атмосферу между генералом и его супругой, домработница благоразумно удалилась в свою комнату после того, как подала горячие блюда, оставив пространство двум хозяевам.

— А где Цюцю? — взгляд Тун Цинхэ скользнул по гостиной. Цзян Шаочжи никак не отреагировал, и Тун Цинхэ, вспомнив, что только что произошло, быстро отвел взгляд и объяснил: — Уже так поздно, я боюсь, что Цюцю может попасть в беду на улице.

Хотя его беспокойство, возможно, было напрасным, Цюцю был продвинутым ИИ, водил машину лучше, чем он сам, и обладал неплохими боевыми навыками. Его способность к самообороне, согласно оценке уровня, колебалась около уровня В, чего было более чем достаточно, чтобы справиться с обычными людьми, даже с рослыми альфами.

Тун Цинхэ увидел, что в гостиной никого нет, и слегка подвинул свой стул в сторону Цзян Шаочжи. Когда его рука дотянулась до него, он прикоснулся к нему. Он не был от природы сладкоречив, и все его заискивания и кокетство происходили, только когда Цзян Шаочжи его обнимал. Поскольку Цзян Шаочжи никак не реагировал, ему стало еще неловче самому начинать эту двусмысленную атмосферу.

За окном сада мелькнули фары — Цюцю вернулся за рулем. Первым делом, войдя, он бросился к Тун Цинхэ. Красный свет на его сигнализации сегодня вечером не загорелся. Он подозрительно посмотрел на альфу своего маленького хозяина, и вручил Тун Цинхэ купленные подарки — двойную порцию.

Один для маленького хозяина, один для его альфы.

Цюцю пробыл в гостиной десять минут, кратко отчитавшись Тун Цинхэ о сегодняшнем свидании. Даже когда он вернулся в свою комнату, красный свет сигнализации так и не загорелся, что заставило его заподозрить, не сломалась ли его программа.

Цюцю запустил проверку программы, и после тестирования обнаружил, что в его системе охранной сигнализации действительно нет никаких скрытых проблем.

Вечером Цзян Шаочжи, как обычно, принес Тун Цинхэ чашку теплого молока. В его выражении лица не было ничего необычного, все как всегда. Только когда Тун Цинхэ допил и лег, он сказал, что у него есть служебные дела, которые нужно разобрать в кабинете.

Во рту оставался легкий молочный аромат. Тун Цинхэ посмотрел, как закрывается дверь, закрыл глаза и уснул. Он проснулся в три часа ночи. В комнате горел тусклый свет. Он вздохнул, встал с кровати и тихонько вышел из спальни.

Со стороны двери кабинета виднелся слабый свет. Тун Цинхэ не промедлил и десяти секунд, как услышал, как человек внутри сказал:

— Войди.

Он толкнул дверь, ошеломленно посмотрел на Цзян Шаочжи и подошел к нему.

— Дядя, почему ты еще не спишь? Ты сильно занят?

Как только он это сказал, в полной тишине Тун Цинхэ подслушал, как его альфа издал вздох. Цзян Шаочжи подтянул его к себе и усадил, а затем Тун Цинхэ увидел, как тот умело открыл ящик, который был аккуратно забит... новыми носками.

Цзян Шаочжи наклонился, чтобы надеть ему носки. Только он закончил со вторым, как Тун Цинхэ сам обхватил руками шею альфы, его голос напрягся:

— Прости меня.

— Дядя, я не должен был так говорить сегодня.

Он даже толком не узнал своего альфу. Они поженились, и невозможно, чтобы одна сторона вечно потакала другой без ограничений. В этом мире нет вечно идеальных людей; у всех есть недостатки, эгоизм и желания. Его товарищи часто говорили, что он от учебы «затупил», что он не проявлял упорства во многих вещах, всегда был добр к людям и жил по принципу «будь что будет».

А его альфа был полной ему противоположностью: он был одержим тем, что ценил больше всего, умел побеждать и сражаться, используя все силы, чтобы добиться желаемого, не отступая.

Эти две смешанные натуры казались очень противоречивыми, но в то же время не мешали друг другу. Тун Цинхэ, который встал на свою позицию, чтобы обвинить Цзян Шаочжи, теперь не мог себе этого позволить.

Он был человеком, которого легко разжалобить. Извинившись, он почувствовал облегчение.

Тун Цинхэ прижался к Цзян Шаочжи и пробормотал:

— Не сердись.

Цзян Шаочжи приподнял бровь. Тун Цинхэ опустил лицо, словно провинившийся ученик:

— Не сердись, сегодня я был не очень хорош в манере и тоне.

Цзян Шаочжи оставался невозмутимым. Он обнял его одной рукой:

— Я не сержусь.

И добавил:

— Цзи Вань уже прошел аттестацию в Медицинском бюро и сегодня днем вступил в должность.

Все слова, которые Тун Цинхэ приготовил, застряли у него во рту. По сравнению с тщательной заботой Цзян Шаочжи, который тайно помогал ему уладить все, о чем он просил, сам он, казалось, все время только требовал и доставлял проблемы своему альфе.

Он расстроился еще больше, и его подавленное настроение сохранялось до самого дня поступления в исследовательский институт.

Цзян Шаочжи отвез Тун Цинхэ в Исторический исследовательский институт для регистрации. Федеральный исследовательский институт собрал множество талантов, в том числе тех, кто был переведен из разных ведомств. Цзян Шаочжи проводил Тун Цинхэ в кабинет, встретив по пути нескольких старых знакомых из армии.

В кабинете института сидели несколько проницательных старцев, которые, увидев Цзян Шаочжи, специально с ним поздоровались.

Тун Цинхэ в этот момент почувствовал себя не в своей тарелке, очень стесняясь незнакомцев. Кое-как закончив представляться, он услышал, как один из профессоров спросил его, какие у него отношения с Цзян Шаочжи.

Цзян Шаочжи спокойно представил:

— Мой супруг.

Все замолчали и уставились на Тун Цинхэ с таким рвением, словно хотели увидеть, как из него вырастет цветок.

Последующие договоренности прошли для Тун Цинхэ почти без происшествий. В обед он пошел с коллегами в столовую и столкнулся с Цзи Ванем, когда набирал еду.

Цзи Вань увидел его и кивнул в знак приветствия. Всего через несколько секунд Тун Цинхэ увидел, как Цзи Вань, прикрывая рот, поспешно выбежал. Немного обеспокоенный, он сказал пару слов коллеге и последовал за ним.

Цзи Вань проглотил лекарство в туалете. Увидев его бледное лицо, Тун Цинхэ не осмелился спросить, что это за лекарство.

— Спасибо, что помог мне, — Цзи Вань улыбнулся ему и добавил: — Шэнь Цзун — настоящий ублюдок, он умудрился по следам добраться и до этого места.